Краснословїе

или

РИТОРИКА

ВЪ КРАТКИХЪ ПРАВИЛАХЪ

для

всеобщаго употребленїя.

сочиненная

Г. Галлїенномъ де Салморенцъ.

Переведена съ Французскаго

Въ Санктпетербургѣ.

Печатано въ типографїи М. Овчинникова

1785 года.

Р
ро
гі
мѣ
им
дл
Ци
нам
она
то
изв
мог
выс
и л
и с
не м
какъ
спол
своих
торѣ

ОПРЕДѢЛЕНІЕ РИТОРИКИ.

Риторика есть наука говорить хорошо обо всемъ безъ изъятія. Другія науки имѣютъ ограниченной предмѣтъ; сія же напротивъ другихъ не имѣетъ предѣловъ кромѣ природы; все для нее возможно. По чему говоритъ Цицеронъ въ сочиненіи, которое онъ намъ оставилъ о сей матеріи, что она есть пространная дорога, гдѣ ораторъ можетъ бѣжать по своему произволенію. Предмѣты самые низкіе могутъ представлены быть ораторомъ высокими. Гомеръ говорилъ о мышахъ и лягушкахъ столько же высоко, какъ и о Троянахъ и Грекахъ. Виргилій не менѣе превзошелъ въ описаніи мухи, какъ въ своей енеидѣ. Овидій описалъ столько же благородно блоху, какъ и своихъ боговъ. Словомъ искусный ораторъ можетъ распространиться столь

же хорошо надъ власами прекрасной женщины, какъ и въ описанїи цѣлаго лица. Я приступаю къ родамъ рѣчи.

О родахъ.

1 Судебный.
2 Доказательный.
3 Разсуждающїй.

Первый изъ сихъ родовъ употребляется только въ предложенїяхъ сомнительныхъ и спорныхъ.

Вторый имѣетъ предмѣтомъ порицанїе или похвалу.

Третїй надлежитъ до всего того, что надлежитъ до разсужденїя.

И такъ обвинять и защищать есть матерїя судебнаго рода.

Хвалить и поносить есть матерїя рода доказательнаго.

Совѣтовать и отсовѣтовать есть предмѣтъ рода разсудительнаго.

О РОДѢ СУДЕБНОМЪ.

Сей родъ состоитъ въ разсужденiи о какой нибудь вещи, справедлива ли она или нѣтъ. Ораторъ въ ономъ долженъ разсматривать строго всѣ обстоятельства матерiи опровергаемой имъ или защищаемой: время, мѣсто, лица, притчину, ся начало и дѣйствiя: словомъ ничто не должно ему быть не извѣстно, что касается до слога, то онъ не столько долженъ стараться о пышности, согласiи и плавности, сколько о слогѣ простомъ и естественномъ. Въ семъ родѣ позволено оратору опровергать доказательства своего соперника взаимнымъ образомъ. Ежели онѣ будутъ важны, то онъ долженъ твердо отвергать, ежели маловажны, то шутками, ежели наконецъ грубы, то долженъ быть отвѣтъ полнъ негодованiя и силы, каковый сдѣлалъ молодой Венецiанской посланникъ при дворѣ Римскомъ. Папа прервавъ его рѣчь отъ нескромности, спросилъ его: для чего

республика ему прислала посланника столь молодаго человѣка, которой еще бороды не имѣлъ? для того, отвѣтствовалъ гордо сей Венеціанинъ, что она не судитъ о заслугахъ по бородѣ, а иначе бы она прислала козла: потомъ продолжалъ онъ спокойно рѣчь. Сей молодой человѣкъ назывался Моцениго. Вскорѣ его рѣдкія заслуги сдѣлали его посломъ при дворѣ Вѣнскомъ. Императоръ искавшій давно случая насмѣяться Венеціанской республикѣ, спросилъ нѣкогда у него въ присутствіи самыхъ первыхъ вельможъ государства: изъ какой земли происходятъ крылатые львы, которые суть гербомъ Венеціи? изъ той, отвѣтствовалъ посолъ остроумно, гдѣ родятся двуглавые орлы, подразумѣвая здѣсь гербъ Имперіи.

О родѣ доказательномъ.

Сей родъ раздѣляетъ похвалу и поношеніе. Цицеронъ употреблялъ оный и

въ

въ томъ и въ другомъ случаѣ. Ибо похваливъ однажды въ рѣчи Красса предъ народомъ, послѣ того два дни спустя не преминулъ на томъ же самомъ мѣстѣ сдѣлать изъ оной поносную критику, и когда Крассъ оному чрезвычайно удивился; то Цицеронъ ему сказалъ: вы напрасно удивляетесь сему, что я васъ хвалилъ, я хотѣлъ показать свое краснорѣчіе, и чтобъ въ томъ успѣть, я выбралъ для сего худую матерію. Сей родъ заключается въ пышномъ, пылкомъ и великолѣпномъ слогѣ. Ораторъ въономъ долженъ кидать полною рукою цвѣты краснорѣчія и обогащать свое слово великолѣпнѣйшими фигурами, но онъ долженъ наипаче казаться не склоннымъ ни на ту, ни на другую сторону въ томъ, что онъ хвалитъ или поноситъ. Наиболѣе въ семъ родѣ долженъ онъ убѣгать увеличиванія. Находятся столь необычайныя вещи, что сколько бы онѣ справедливы ни были, однако ораторъ не долженъ оныя очень испытывать,

 но

но касаться слегка по совѣту г. Боало въ его Пїитической наукѣ кн. 3.

Отнюдь не представляй того, что
не возможно.
Что истинно, другимъ покажется
то ложно.

Балсакъ сколь ни славенъ; но часто погрѣшалъ противъ сего правила. Онъ увеличиваетъ напр. чтобъ сказать, что г. Боа-Робертъ сложенїя твердаго, онъ говоритъ, что его тѣло не можетъ быть разрушено никакимъ случаемъ, какъ развѣ молнїею или паденїемъ горы. Однакожъ я не совѣтовалъ бы г. Боа-Роберту полагаться на слова Балсака, и подвергать свое тѣло пушечному выстрѣлу.

О родѣ разсуждающемъ.

Сей родъ употребительнѣе всѣхъ. Цесарь его употреблялъ съ толикою же выгодою, какъ и свою шпагу. Сей великїй мужъ почиталъ, что столь же славно управлять словами, сколько и ору-

оружïемъ. Симъ то образомъ можетъ всякой возбуждать страсти и приводить сердца къ тому намѣренïю, къ которому хочетъ ихъ склонить. Но въ семъ должно поступать съ великою осторожностïю. Надобно возбуждать страсти, но не надобно ихъ приводить въ разстройство, ибо вмѣсто вылѣчиванïя болѣзни можно болѣе оную растравить; поелику не льзя вылѣчить рану съ такимъ же насилïемъ, съ какимъ она сдѣлана; подобнымъ образомъ не льзя возбуждать страстей въ людяхъ съ такою же силою, съ какою погасить можно. Есть болѣзни, которыя требуютъ продолжительныхъ лѣкарствъ, другïя же напротивъ малыхъ, словомъ надобно остерегаться, дабы музъ не превратить въ фурïи и поле Риторики не сдѣлать полемъ баталïи. Сего довольно о родахъ; я приступлю къ качествамъ рѣчи.

О качествахъ рѣчи.

Оныхъ считается 5, кои суть:

1. Изобрѣтеніе.
2. Расположеніе.
3. Выраженіе.
4. Память.
5. Произношеніе.

Первое состоитъ въ изобрѣтеніи всего того, о чемъ ораторъ долженъ говорить. Второе въ порядочномъ расположеніи Третіе въ красивомъ предложеніи. Четвертое въ выучиваніи на память. Пятое въ пріятномъ произношеніи.

О изобрѣтеніи.

Оно состоитъ въ прискаініи матеріи, въ приведеніи причинъ могущихъ доказать то, о чемъ говорится. Надобно сперва помышлять о вещахъ, потомъ о словахъ. Иначе подобно было бы живописцу, которой старается

сперва

сперва о краскахъ, потомъ уже о предмѣтѣ, которой онъ долженъ рисовать. Когда ораторъ одинъ разъ хорошо выдумалъ свое расположенїе, то слова уже раждаются обильно въ его успѣхъ. Какъ говоритъ Боало съ Горацїемъ:

Что поняли, то намъ пересказать
удобно.
И самыя слова текутъ изъ устъ
свободно.

Тогда то наши произведенїя суть истинныя дѣти, въ противномъ же случаѣ суть выкидыши, которые родятся безобразными, кривлявыми или горбатыми, ежели позволено мнѣ такъ изъясниться.

О расположенїи.

Сколь бы трудно для оратора было въ сочиненїи какого нибудь слова, если бы онъ приискавши доказательства на свою матерїю не зналъ науки оныя распо-

расположить. Онъ походилъ бы на архитектора, которой обдѣлавши камни для строенія, но не умѣлъ бы ихъ положить на свое мѣсто. Чтобъ сдѣлать пріятной вѣнокъ взору не довольно собрать цвѣтовъ различнаго вида, но надобно ихъ расположить симъ пріятнымъ различіемъ, которое есть мать пріятностей, и котораго красота болѣе зависитъ отъ искуства нежели отъ природы. По чему одинъ изъ великихъ стихотворцевъ сказалъ на сіе:

Пріятность, красота тогда въ вещахъ бываетъ.
Когда располагать ихъ, кто искуство знаетъ.

О ВЫРАЖЕНІИ.

Оно состоитъ въ выборѣ словъ, которыми мы хотимъ изъяснить то, что изобрѣли и расположили. Изобрѣтеніе и расположеніе зависятъ отъ разсудливаго человѣка, а выраженіе зависитъ

ситъ отъ упражненія оратора. Какъ слова ничего не будутъ имѣть важнаго, если не будутъ подкрѣпляемы мыслями, подобно мысли не будутъ пріятны, если онѣ худо будутъ выражены: и для того заблаговременно должно стараться изображать вещь тѣмъ слогомъ, которой даетъ видъ малѣйшимъ вещамъ, и которой нынѣ въ толикой славѣ, что требуютъ онаго даже и въ такихъ случаяхъ, гдѣ надлежалобъ истиннѣ явиться совсемъ нагою и безъ украшенія.

При семъ ораторъ долженъ стараться о точности, чистотѣ и ясности, чтобъ его періоды имѣли полной смыслъ, такъ чтобъ ничего не можно было отнять кромѣ нужнаго и ни прибавить кромѣ безполезнаго.

О памяти.

Изобрѣтши, расположивши и украсивши свою Риторическую рѣчь, надлежитъ

лежитъ ее выучить наизусть, чтобъ быть въ состоянїи произнести оную; А сїе не можетъ быть безъ помощи памяти искуственной; которую Квинтилїанъ въ своихъ Риторическихъ наставленїяхъ называетъ хранилищемъ душевныхъ сокровищь, по тому наиболѣе что она хранитъ вѣрно то, что ей поручено, дабы возвратить при случаѣ.

Память раздѣляется на два класса: на естественную и художественную. Первая происходитъ отъ натуры, но искусство можетъ оную въ большее привести совершенство. Посредствомъ сея Митридатъ зналъ 22 различные языка, а Оттонъ имяна всѣхъ своихъ воиновъ. Вторая искуственная состоитъ въ примѣтованїи нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя суть какъ бы оттѣнки предмѣтовъ, кои надлежитъ помнить, и для того ее называютъ мѣстною. Всякой человѣкъ въ состоянїи употреблять сїе художество по крайней мѣрѣ тогда,

когда

когда мы не имѣемъ памяти естественной, какъ нѣкто ѣхавшій въ Парижъ и долженствовавшій жениться въ Турѣ, написалъ въ своей записной книжкѣ для памяти, чтобъ мнѣ не проѣхать Тура, гдѣ надобно жениться.

О произношеніи.

Сіе есть нужнѣйшее изъ всѣхъ качествъ рѣчи. Оно состоитъ въ произнесеніи и въ тѣлодвиженіи, которое по справедливости должно назваться душею рѣчи. Безъ него всѣ другія четыре суть ничто. По чему Квинтиліанъ называлъ Сократа превосходнымъ писателемъ, но жалкимъ ораторомъ. Можно сіе также сказать объ отцѣ Бурдалу, которой дѣлалъ превосходныя проповѣди, но сказывалъ столь худо, что принужденъ былъ заставлять ихъ сказывать въ то же самое время въ иной церькви другаго Езуита наполненнаго пріятностію, которой плѣнялъ всѣхъ слушателей, такъ что Бурдалу говорилъ

рилъ самъ: то воздавали проповѣдямъ товарища его, что отнимали отъ проповѣдей его; по чему Боало говоритъ въ своихъ стихахъ:

Блаженъ тотъ, кто сїй даръ имѣетъ,
Что голосомъ владѣть умѣетъ;

А не поетъ какъ столповое.

Сїя часть казалась столь важною начальнику латинскихъ ораторовъ, что онъ учился оной самъ у славнаго комедїанта въ свое время, своего друга и человѣка ученаго Россїя. Весьма важная наука знать перемѣнять свой голосъ. Нѣтъ ни чего скучнѣе, какъ говорить однимъ голосомъ. Но съ другой стороны надобно удалятъся пронзительнаго голоса или слабаго, какъ тотъ, такъ и другой равно вреденъ. Свидѣтель сему тотъ проповѣдникъ, которой говоря напослѣдокъ о жалости, и думая тѣмъ возбудить слу-

шателей, говорилъ столь тихо, что ни кто его не слыхалъ, и не только сердецъ, но даже и ушей не коснулся. На что одинъ весельчакъ сказалъ: что сей проповѣдникъ былъ человѣкъ удивительной, потому что онъ о предметѣ столь печальномъ, говорилъ вещи неслыханныя, и что онъ имъ говорилъ руками, а они слушали глазами. Какъ потребуетъ случай, ораторъ долженъ возвышать или понижать голосъ, потому какъ сожалѣніе, гнѣвъ и другія страсти господствуютъ болѣе или менѣе. Тонъ голоса все дѣлаетъ, одна вещь произнесенная различнымъ голосомъ часто имѣетъ разныя знаменованія, напр. когда Спаситель міра ходилъ по водамъ, и когда его ученики устрашенные почитали за привидѣніе, онъ ихъ увѣрилъ, сказавъ съ тихостію: *Азъ есмь*, но когда онъ сказалъ тѣ же самыя слова Іудеямъ искавшимъ его въ саду, и навелъ страхъ на ихъ душу и ихъ всѣхъ повергъ на землю. Что касается до тѣлодвиженія,

 то

то оно должно быть умѣренное и пристойное къ матерїи. Но оно не должно быть частое, непристойное и неблаговременное. Находятся ораторы столь неумѣренные въ тѣлодвиженїи, что ихъ можно почесть за бѣснующихъ, каковъ былъ ораторъ Курїонъ; что принудило сказать одного разслабленнаго и веселаго человѣка, что ежели онъ не будетъ находиться по щастїю близь того мѣста, гдѣ Курїонъ рѣчь сказывалъ, онъ непремѣнно будетъ съѣденъ мухами.

О СЛОГѢ.

Ихъ четыре рода, а именно: высокой, посредственной, простой и шутливой:

1 Долженъ быть важной, красивой и плодовитой.

2 Краткой и тонкой.

3 Долженъ быть всегда одинаковый и наблюдать средину между важностїю перваго и тонкостїю втораго.

4 Составлен бываетъ изъ трехъ другихъ, все что подлежитъ чувствамъ, долженствуетъ быть предмѣтомъ сихъ четырехъ слоговъ, но вообще свойство слога есть быть яснымъ, плавнымъ, естественнымъ и приличнымъ ко времени, мѣсту и лицамъ, ибо напр. что касается до времени, сколь бы глупо было для оратора, когда бы онъ воинамъ сталъ совѣтовать покой, когда они уже бьются въ строю, что касается до мѣста, то какъ бы принятъ былъ ораторъ, ежелибъ онъ сталъ говорить въ темницахъ о пользѣ путешествія; что касается до лицъ, то также бы было непристойно совѣтовать монахамъ воспріять свѣтскую жизнь. О семъ то ораторъ долженъ наипаче размышлять по примѣру сего совѣтника Парламента Дофинскаго, человѣка умнаго, которому велѣно отъ сочленовъ своихъ изъявить сожалѣніе первому президенту о смерти супруги его. Сей послѣдней, чтобъ избавиться отъ церемоній необходимыхъ, при такомъ слу-

 чаѣ

чаѣ приказалъ своему кучеру одѣться въ платье, какое носятъ президенты, и закрыть свое лицо траурнымъ покрываломъ и выслушать рѣчь совѣтника не говоря ни слова, которой по щастїю примѣтивъ обманъ вмѣсто того, чтобъ начать свою рѣчь, спросилъ его хитро: *по чему овесъ*; и сею шуткою, которая случилась къ статѣ, всѣхъ привелъ въ смѣхъ.

О СЛОГѢ ВЫСОКОМЪ.

Свойство сего слога состоитъ въ томъ, чтобъ быть благородну, обильну, возвышенну и согласну болѣе нежели другїя, онъ приличенъ трагедїямъ, епическимъ поемамъ, словамъ и вообще всѣмъ великолѣпнымъ рѣчамъ. Послику должно укрѣплять величество вещей благородностїю мыслей и выраженїй, для сего онъ долженъ быть украшенъ больше нежели другїя. Въ немъ употребляются пространные перїоды круглые,

на которыхъ бы долгота не дѣлала затруднительными, темными и непонятными, поелику три конца краснорѣчїя состоятъ въ томъ, чтобъ угодить, усовѣтовать и научить. Но сего никогда не можно учинить, когда перїоды будутъ долги. Тѣ, которые любятъ пышность употребляютъ всегда слогъ высокой, наипаче молодые люди, которые обыкновенно наполнены бываютъ худыми вещами, которыя они выучили еще въ училищахъ и которыхъ они не могутъ забыть столь скоро. Все то, что есть не столь естественно, надуто, пышно, великолѣпно, кажется имъ красиво. Они подражаютъ тому неискусному художнику, который написалъ на Венерѣ всю одежду златую, которой однакожъ оная ни мало не сдѣлала красоты.

О слогѣ средственномъ.

Сей слогъ долженъ быть мужественный, сильный и удаленный всякаго

 при-

притворства. Онъ употребляется въ описанїяхъ и повѣствованїяхъ. Онъ требуетъ умѣреннаго свойства между высотою и низкостїю, т. е. средины между высокимъ и простымъ. Онъ имѣетъ свои прїятности и свои украшенїя, хотя мы видимъ пастушекъ одѣтыхъ весьма просто; однако онѣ гораздо приманчивѣе нежели госпожи богато убранныя и одѣтыя великолѣпно: часто постояной красотѣ, благородному и величественному виду предпочитаютъ видъ простой, но прїятной.

О СЛОГѢ ПРОСТОМЪ.

Ежели слогъ высокой довольно обогащенъ мыслями, великолѣпенъ, благороденъ; ежели посредственной нѣсколько смѣшенъ; то простой долженъ быть совсѣмъ обнаженъ, ибо онъ онаго не вмѣщаетъ. Онъ требуетъ обыкновенныхъ выраженїй. Его качества суть ясность, чистота и естественность. Онъ употребляется въ комедїяхъ и въ

дру-

дружественныхъ письмахъ, и имѣетъ свою пріятность, хотя безъ великолѣпія, по свидѣтельству Боало.

И самой низкой слогъ имѣетъ благородство.

Я не буду приводить другаго примѣра кромѣ сего мѣста. Симъ слогомъ всѣ простыя сочиненія пишутся. Я приступаю къ шутливому.

О СЛОГѢ ШУТЛИВОМЪ.

Я весьма удивляюсь, что доселѣ ни одинъ Французскій сочинитель не имѣлъ намѣренія написать подробно о семъ слогѣ, по чему я намѣренъ объ ономъ нѣчто сказать; я увѣренъ, что онъ столько же требуетъ труда, сколько и другія; но о семъ немного будемъ говорить и не остановимся болѣе на сей матеріи.

Сей слогъ соединяетъ пріятное съ полезнымъ. Онъ употребляется въ шут-

кахъ и къ осмѣянію пороковъ. Объ немъ можно сказать то, что читается на занавѣсѣ Италіанскаго театра въ Парижѣ.

Порочнымъ онъ смѣясь ихъ исправляетъ нравы.

Впрочемъ много находится лицъ, которыя не столько кажутся намъ пріятны, когда онѣ смѣются нежели тогда, когда онѣ принимаютъ на себя видъ важной: подобно сей слогъ не столько имѣетъ красоты, когда онъ шуточнымъ образомъ предлагаетъ о вещахъ важныхъ. Находится много сочинителей, которые болѣе успѣли въ сочиненіяхъ шуточныхъ нежели въ высокихъ. Съ какою пріятностію напр. Синезій сдѣлалъ похвалу лжи, Куферъ слѣпотѣ, Фаворинъ безобразію, Пирхгеймеръ подагрѣ, Превиделли язвѣ, Клавіонъ неправосудію, Еразмъ глупости, Геинзій гнуснымъ насѣкомымъ, Маіорагій грязи, Дивердіеръ ничтожеству, Калкагнинъ блохѣ, Геинзій вши, Руилардъ

лярдъ соломѣ, Менаній четвероддевной лихорадкѣ, Меланхтонъ муравью, Скалигеръ воробью, Іустъ Липсій слону. Самой оселъ нашелъ себѣ хвалителя въ Іоаннѣ Пасераттѣ, которой изъ всѣхъ Французовъ зналъ основательнѣе Латинской языкъ.

И такъ шутка прилична слогу шутливому; но надобно чтобъ шутка была пристойная, осторожная, благородная и честная, словомъ такая, которой древніе поставляли начальникомъ бога Момуса. Иначе шутить есть нечто иное, какъ принимать ремесло болтуновъ. Однако есть случаи, гдѣ одна досадительная шутка требуетъ язвительнаго отвѣта, такъ какъ сдѣлалъ Ишпанскій посолъ Генриху IV, которой сказалъ ему: что онъ могъ бы въ одинъ день сходить и выслушать обѣдню въ Миланѣ, а оттуда притти обѣдать въ Неаполь. А когда такъ, отвѣтствовалъ колко посолъ, то ваше Величество могъ бы также сходить выслушать вечерню въ Сициліи.

О частяхъ рѣчи.

Оныхъ считается обыкновенно четыре, т. е. приступъ, повѣствованіе, подтвержденіе и заключеніе.

О приступѣ.

Приступъ собственно есть вступленіе въ рѣчь Риторическую, чтобъ приуготовить слушателя къ вещамъ, о которыхъ онъ долженъ говорить и получить его вниманіе, благоволеніе и довѣренность, которыя суть три конца оратора; вниманіе получаемъ предлагая новой и важной предмѣтъ; довѣренность не дѣлая себя подозрительными; благоволеніе подая надежду, что принявъ нашу сторону произойдетъ вещественная польза.

Хотя нѣкоторые сравнивали приступъ рѣчи съ органами церковными, которые служатъ только къ продолженію службы, однако оный столь нуженъ въ рѣчи, что Лукіанъ и Цицеронъ

ронъ почитаютъ опущенїе оныхъ непростительными. Подлинно приступъ въ рѣчи есть какъ бы входъ у зданїя. Архитекторы дѣлаютъ обыкновенно къ своему зданїю великолѣпный входъ; подобно ораторъ долженъ съ начала съ рѣчью поступать.

Сколько бы рѣчь пространна ни была, но приступъ долженъ быть написанъ весьма краткимъ слогомъ, такъ какъ поступилъ депутатъ провинцїи Дофинской. Ему было приказано читать рѣчь Маршалу де Ледигнеръ, которой былъ объявленъ губернаторомъ той страны. Г. Маршалъ, сказалъ ему депутатъ, я умѣю вамъ наскучить, и могъ бы то сдѣлать такъ какъ и другїе, но я желаю лучше вамъ принести дары отъ провинцїи. Сїе всего есть важнѣе, а прочее говорить буду бездѣлицу. Маршалъ признался, что ему никакая рѣчь столько не понравилась. Я согласенъ съ нимъ.

О ПОВѢСТВОВАНІИ.

Повѣствованіе состоитъ въ предложеніи дѣла, о которомъ слово идетъ. Квинтиліанъ въ своихъ Риторическихъ наставленіяхъ кн. 4 говоритъ, что оно должно имѣть такъ, какъ приступъ три слѣдующія качества: вѣроятіе, ясность и краткость. Вѣроятіе, дабы вѣрили, ясность, дабы не обременить вниманіе слушателя, краткость, дабы не наскучить. Должно подражать мудрому сему правилу г. Боало.

Будь ясенъ, справедливъ и кратокъ
въ повѣстяхъ.

И не подражайте тому стряпчему, которой продолжительно говорилъ о дѣлѣ одного крестьянина, у котораго украли каплуна, но судья соскучивъ плодовитостію его словъ, сказалъ ему:

Отсель глупецъ скоряй луну
и возвратися къ каплуну.

О подтвержденіи.

Сія часть рѣчи состоитъ въ опровержeніи доказательствъ своего соперника и въ приведеніи своихъ доказательствъ краткимъ и твердымъ образомъ. Надобно доказывать дѣло причинами важными, убѣдительными и основательными. Изрядныя причины украшая рѣчь ее укрѣпляютъ, подобно столбамъ зданія, которые поддерживая его вмѣстѣ и укрѣпляютъ; словомъ сказать, какъ Цицеронъ говоритъ къ Геренну кн. I. что подтвержденіе есть основаніе, на которомъ все дѣйствіе основано.

О заключеніи.

Сія часть составляетъ конецъ рѣчи. Не столь похвально начать рѣчь, какъ окончить оную, по пословицѣ, что конецъ вѣнчаетъ дѣло, оно есть соединеніе всѣхъ прочихъ частей рѣчи или центръ строчекъ, ибо подобно

какъ конецъ сраженія усовершаетъ побѣду воина, такъ заключеніе можетъ усовершить побѣду оратора.

При ней надобно остерегаться, чтобъ не кончить рѣчь шуточно, но осторожно такъ, чтобъ никто не примѣтилъ въ собраніи, что рѣчь окончена. Заключеніе состоитъ въ краткомъ повтореніи того, о чемъ говорили прежде въ рѣчи и въ движеніи страстей. Я ничего не скажу о первомъ, приступлю ко второму, что есть нужнѣе.

Чтобъ возбудить страсти, откуда зависитъ часто успѣхъ рѣчи, то надобно употреблять сію побѣдоносную науку, которая, такъ сказать, содержитъ духъ въ своемъ владычествѣ, которая его обращаетъ куда хощетъ, водитъ сердца, управляетъ волю, начальствуетъ надъ страстьми. Сія наука есть та, которая жалостію склоняетъ, гнѣвомъ ободряетъ, страхомъ

устра-

устрашаетъ, надеждою отважнымъ дѣлаетъ; словомъ сїя наука есть та, которая дѣлала часто побѣдителями начальника Латинскихъ ораторовъ въ собранїи и феатрѣ его ораторическихъ трофеевъ. Здѣсь то долженъ ораторъ блистать и вдругъ гремѣть и бросать щедро цвѣты краснорѣчїя, которыя имѣютъ силу склонять на свою сторону, употреблять фигуры живыя и совѣтовательныя, чтобъ излѣчить больныхъ, склонить невѣрныхъ, укрѣпить усовѣтованныхъ, поразить своего соперника и во всемъ торжествовать.

Качество заключенїя есть краткость, она должна вдругъ заключить; для сего должно избѣгать отступленїй, постороннихъ рѣчей и другихъ служащихъ къ увеличиванїю рѣчи вещей. Такъ какъ случилось съ однимъ проповѣдникомъ, которой никакъ не могъ окончить свои рѣчи о *блаженствѣ*. Одна прекрасная и остроумная женщина сказала ему на ухо, когда онъ окончилъ.

По-

Почтенный отецъ, вы позабыли одно изъ *блаженствъ*; какое оно, вопрошаетъ ее проповѣдникъ; сїе, съ поношенїемъ отвѣтствуетъ госпожа, *что блажени суть тѣ, кои не были на вашей проповѣди.* Сїя мудрая насмѣшка его не исправила, ибо сей же самой проповѣдникъ, которой ко всѣмъ своимъ великимъ дарованїямъ присовокуплялъ и слабость зрѣнїя, сказывая послѣ въ той же церквѣ, но о другой матерїи, сдѣлалъ такимъ же, т. е. толь долгимъ и скучнымъ образомъ, что слушатели подремавъ два или три часа хотѣли итти вонъ: понамарь сей самой церькви соскучившись такъ какъ и другїе, увидѣлъ себя одного въ церьквѣ, подошелъ тихо къ кафедрѣ и сказалъ проповѣднику, которой ничего не видалъ, что происходило въ церьквѣ, государь мой, нѣтъ никого здѣсь, но для васъ нужды въ томъ мало, продолжайте далѣе. Вотъ вамъ ключи отъ церькви, когда вы окончите, то пожалуйте заприте двери.

о фигурахъ Риторическихъ.

Ихъ находится великое множество, изъ которыхъ нынѣ многїя находятся въ употребленїи только у Езуитовъ, кои всегда отстаютъ послѣднїе отъ худыхъ обыкновенїй. Главныя и нынѣ употребляемыя фигуры суть слѣдующїя: Метафора, Полинимїя, Тропъ, Етопеїя, Метонимїя, Иперболa, Иронїя, Подобїе, Принаровленїе, Обращенїе, Лицевведенїе, Сражснїе мнѣнїй, Прехожденїе, Указанїе, Повторенїе, Противоположенїе, Опущенїе, Восклицанїе, Проклинанїе и наконецъ Умноженїе. Я приступаю къ разсматриванїю самыхъ употребительнѣйшихъ фигуръ.

о Иперболѣ.

Сїя фигура состоитъ въ чрезвычайномъ увеличиванїи, которая увеличиваетъ или уменьшаетъ вещи, ихъ представляетъ большими или малыми, каковыми онѣ въ самомъ дѣлѣ не бываютъ; подобно зрительнымъ стекламъ,

 кото=

которые представляютъ предмѣты гораздо больше, нежели они въ самомъ дѣлѣ суть. Она чрезвычайно полезна для оратора, когда выраженія общія суть слабы напр. я искусному живописцу велю представить старость лѣса, которой болѣе уже не находится.

О сколь доволенъ я и сколько восхищенъ,
Увидѣвъ рощи тѣ, сталъ ими пораженъ,
Какъ время началось они тогдажъ настали
И тысячу вѣковъ ихъ предки почитали;
Но чтожъ? зеленость ихъ такая же была,
Съ какою въ первый день природа создала.

Вотъ истинное понятіе Иперболы.

Иперболъ для того любовникъ почитаетъ,
Что нѣсколько вѣковъ минутою считаетъ,
Что благо въ часъ, а зло во вѣкъ, онъ говоритъ
И правило сіе всегда въ умѣ твердитъ.

Но ежели Ипербола можетъ превосходить истинну, то не должно доходить до посмѣянія. Я скажу одинъ примѣръ для доказательства сего, можно ли вообразить смѣшнѣе сего петиметра, которой говоритъ, что онъ воздалъ почтеніе своей любовницѣ въ своемъ святилищѣ, что Венера и Елена тогда бы достойны были ея служанками, когда бы за одинъ ея власъ можно искупить плѣннаго Царя. Онъ еще говорилъ, что ея руки были столь чисты, что поставилъ бы за честь оными быть удавлену.

о Ироніи.

Сія фигура употребляется тогда, когда говоря о вещи разумѣемъ противное. Она зависитъ какъ отъ голоса, такъ и отъ значенія словъ. Сія то фигура осмѣиваетъ людей при похвалѣ, и хвалитъ ихъ при поношеніи, словомъ она дѣлаетъ сатиру на людей тѣми же самыми словами, какими и Панегирикъ, какъ Цицеронъ говоритъ

Августу: *удивленія по истиннѣ и возвышенія достойный Октавій*, которыя слова могутъ значить, что онъ былъ удивителенъ. Но не льзя его превознесть болѣе. Цицеронъ не разумѣлъ чрезъ то, что бы надобно его возвышать на достоинства, но на висилицу. Вотъ еще два примѣра. Балсакъ дѣлая отвѣтъ на письмо, котораго онъ ожидалъ долгое время безполезно, сказалъ: ваше письмо до меня дошло, никогда не слыхано такого прилѣжанія. Въ два мѣсяца ваше письмо перешло четыре мили, дѣло поспѣшенія требующее очень бы могло получить успѣхъ такимъ образомъ. Наконецъ кошка, которую вы мнѣ дали, начинаетъ уже привыкать и первой знакъ дружества она вчерась оказала, чуть было не оторвала у меня руку: она лучшая скотинка въ свѣтѣ. Одинъ посредственной проповѣдникъ, которой весьма худо говорилъ проповѣдь о постѣ въ одной церьквѣ, въ которой за годъ прежде его одинъ искусный проповѣдникъ хорошо го-

во-

ворилъ о томъ же, сказалъ съ пріятностію: когда мой предшественникъ здѣсь проповѣдывалъ, то художники оставляли свои лавки, чтобъ его слушать проповѣдь, купцы свои товары; что касается до меня, то я проповѣдуя сей годъ, все привелъ въ порядокъ, ибо ни кто не тревожился, чтобъ придти меня слушать.

о Метафорѣ.

Метафора есть извѣстное выраженіе, посредствомъ котораго значеніе собственное переходитъ въ несобственное. Она есть остроумное представленіе вещей съ большею пріятностію живости.

Метафора бываетъ полезна, осмѣливаюсь сказать нужна, когда мы принуждены сказать что нибудь непристойное напр. одинъ шуточный петиметръ весьма великій любитель женскаго пола, которой никогда не хотѣлъ жениться и давалъ знать остроумно свои поступки сими словами: я принялъ всѣ таинства, выключая бракосоче

сочетанія. Я никогда не имѣлъ сего послѣдняго на оригиналѣ, но много онаго сдѣлалъ копій.

Надобно остерегаться, чтобъ когда мы начали одинъ разъ Метафору, оную продолжать до конца, а не различнымъ образомъ кончить, какъ Горацій, которой сказалъ:

a. *На наковальнѣ бить негодные стихи.*

Горацій съ его позволенія говорилъ или о стихахъ худовыкованныхъ, или обхо-

---

a. Онъ выше сего стиха такъ говоритъ:

Квинтилій, естьли что читали передъ нимъ,
Вотъ то и то поправь, говаривалъ онъ имъ,
И буде скажетъ кто, разъ десять принимался,
Но лучше я не могъ и трудъ мой такъ остался
Тогда совѣтовалъ то вовсе замарать
Иль передѣлать вновь иное выправлять.

обходиться со стихами худо предложенными; то же есть какъ бы говорилъ поваръ своему ученику: положи опять сїе мясо на сковороду, оно еще не ужарилось. Малгербъ сдѣлалъ подобную Горацїю погрѣшность въ одной изъ своихъ одъ приписанной Лудовику XIII. гдѣ онъ говоритъ къ сему Государю такъ:

Возми Лудовикъ громъ, поди какъ левъ свирѣпый.

Какое сходство имѣетъ громъ со львомъ. Это то же бы было, ежели бы Лудовикъ сказалъ одному изъ своихъ солдатъ, возми свою шпагу и ступай какъ стряпчей.

О ПОДОБЇИ.

Сїя фигура не что иное есть, какъ снесенїе двухъ вещей между собою: она есть прїятнѣйшая въ Риторикѣ, она не только научаетъ и представляетъ чрезъ подобїе истинны отвлечен-

нѣшія, но и даетъ еще о томъ великое понятіе напр. какъ Малгербъ говоритъ съ Гораціемъ:

Война любви подобна
Во всѣхъ предмѣтахъ сходна,
Понеже какъ влюбляться
Есть дѣло молодыхъ,
Такъ на войнѣ сражаться
Есть такъ же участь ихъ.

Боало такъ же говоритъ въ своей послѣдней сатирѣ.

Честь, слава острову высокому подобна,
Какъ свергнешься, назадъ дорога неудобна.

Но въ семъ случаѣ надобно такъ поступить, чтобъ степень сравненія былъ всегда взятъ отъ вещи благородной, а не подражать Гомеру, сколько ни великъ онъ былъ; онъ уравнилъ Агамемнона коровѣ, потому что онъ имѣлъ подобной цвѣтъ, сіе было бы то же какъ ежели бы кто сравнилъ

Кардинала съ вареным ракомъ, потому что они оба красны.

Одинъ писатель въ наше время уподобилъ великаго министра, котораго я имяни не упомяну, храмому, потому что онъ не прямо ходилъ въ управленіи дѣлъ. Но его сравненіе также храмлетъ, какъ и храмой его. Сколько сравненія придаютъ красоты въ сочиненіи, столько они напротивъ того не должны быть часты; сіе будетъ порокъ, какой нынѣшній писатель приписалъ Демосфену, которой оными наполнилъ свои рѣчи, но сей писатель самъ въ противной сему вдался порокъ, ибо опасаясь, чтобъ не навлечь на себя такого же поношенія, не положилъ ни одного подобія въ своемъ сочиненіи; можетъ статься онъ хотѣлъ быть безподобнымъ писателемъ.

О приноровленіи.

Сія фигура состоитъ въ томъ, чтобъ употреблять въ различномъ смы-

слѣ одно и тоже слово или два слова подобныя. Нѣтъ ничего пріятнѣе сея фигуры въ насмѣшкахъ напр. Цицеронъ видя Марка Антонія, которой распустивъ долгое свое платье, говорилъ къ народу рѣчь со всевозможнымъ ласкательствомъ, сказалъ ему съ насмѣшкой: ни кто не говорилъ открыто какъ вы. Когда тутъ же Цицеронъ былъ поставленъ на мѣсто Канинія, которой умеръ, спустя день послѣ консульства поздравлялъ съ насмѣшкою Римской народъ, что онъ имѣлъ такого Консула, которой столько былъ попечителенъ, что не спалъ во время своего консульства. Стихотворецъ Менажъ далъ нѣкогда 1000 ефимковъ одному Епископу, которой съ тѣхъ поръ всевозможно старался, дабы не встрѣтиться. Впрочемъ случай привелъ, что они встрѣтились на дорогѣ. Епископъ, которой имѣлъ причину, чтобъ не остановиться, сказалъ Менажу: государь мой, я у васъ прошу тысячу извиненій, *а я* 1000 *ефимковъ*, отвѣт-

ство-

ствовалъ Менажъ. Ибо Епископъ у него занялъ. Ежели когда принаровленїе бываетъ остроумно, то тогда только, когда наполнено бываетъ прїятностїю; подобно нѣтъ ничего глупѣе, нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ когда оно не имѣетъ остроты, что можетъ быть сожалительнѣе того, что говорилъ въ одномъ монастырѣ Лїонскомъ проповѣдникъ ученика ордена Капуциновъ, что Iисусъ изобразился въ Виѳлеемѣ, преобразился на Фаворѣ, а обезобразился на Голгоффѣ. Наша Святая вѣра не позволяетъ никому шутить сими словами, а наипаче Капуцину, въ которомъ не должно искать остроты, какъ умѣренности въ Езуитѣ, трезвости въ Бернардинѣ, воздержанїя въ Кордерїелѣ, невѣжества въ Венедиктенѣ, и цѣломудрїя въ Кармитанцѣ. Таковъ есть дивизъ сего ордена.

О ОПУЩЕНIИ.

Сїя фигура состоитъ въ томъ, о чемъ мы хотимъ молчать, въ то же

время

время говоримъ. Ораторъ въ семъ случаѣ поступаетъ какъ гребцы, которые оборачиваются спиною туда, куда хотятъ пристать. Сія фигура есть остроумный оборотъ, посредствомъ котораго мы притворяемся, что проходимъ молчаніемъ то, о чемъ продолжаемъ говорить. Сіе не требуетъ примѣра.

О СРАЖЕНІИ МНѢНІЙ.

Сія фигура весьма красива, когда она бываетъ употреблена къ мѣсту. Она состоитъ въ разстроенномъ желаніи и неопредѣленномъ, она есть внутренняя буря движущая страсти ни мало не давая имъ покою. Боало описываетъ такъ сіе разстроенное состояніе.

Душа моя тогда смутилась
Въ толикомъ мракѣ находилась,
Что ничего не можетъ знать
Чего хотѣть, чего ей не желать.

Мы

Мы разсуждаемъ о тысячѣ вещахъ разрушающихся тотчасъ другими, которыя возрастаютъ попеременно. Мы дѣлаемъ различныя намѣренія, и ихъ оставляемъ тотчасъ для другихъ, которыя недолговременніе. Словомъ сія остроумная фигура ни что иное есть, какъ приливъ и отливъ различныхъ мыслей, которыя слѣдуютъ одни другимъ напр. Цицеронъ не зная, чью долженъ взять сторону, Цесареву или Помпееву, намъ даетъ довольное понятіе о сихъ разстройностяхъ сими словами: къ кому я долженъ обратиться, къ Цесарю или Помпею, сей имѣетъ лучшій разумъ, а тотъ поступаетъ лучше съ своими друзьями, я знаю какой мнѣ стороны должно убѣгать, но не знаю какую избрать.

О обращеніи.

Нѣтъ ничего сильнѣе къ возбужденію движеній душевныхъ и къ премѣненію пріятному рѣчи, какъ сія фигура.

гура. Посредствомъ ея говоримъ не только отсутствующимъ, животнымъ, но еще и бездушнымъ вещамъ. Цицеронъ говоритъ Туберону отсутствующему и дѣлаетъ его присутствующимъ. Горацій обращаетъ слова къ судну, на которомъ Виргилій ѣхалъ въ Афины. Сія есть одна изъ прекрасныхъ его одъ. Виргилій вводитъ говорящаго Мецената съ своею лошадью Ребусъ. Петрархъ обращается къ перчаткѣ прекрасной Лауры, и Корнелій въ Цидѣ представляетъ Дона-Діэга говорящимъ къ своей шпагѣ, которой онъ много насказываетъ вещей неслыханныхъ и глупыхъ.

О лицевведеніи.

Ежели обращеніе бываетъ къ животнымъ, отсутствующимъ и бытіямъ неодушевленнымъ, то лицевведеніе имѣетъ преимущество ихъ такъ же вводить говорящими. Малгербъ въ одной одѣ приписанной Лудовику XIII. такъ вводитъ говорящую побѣду:

Я

Я точно вижу ту, которая васъ просить,
Она мнѣ кажется слова такъ произноситъ:
О Царь! желаешь, чтобъ руку я дала
И ей тебя, народъ, Имперiю спасла,
Такъ времени ни мало не теряй.

Скарронъ въ своемъ превращенномъ Виргилiи такъ вводитъ говорящихъ источниковъ :

Источники, гдѣ воды протекаютъ,
Трава, цвѣты, брега гдѣ украшаютъ,
Прохожихъ взоръ къ себѣ манятъ
И такъ имъ говорятъ:
Се Некторъ вамъ, имъ жажду утолите
И отъ усталости себя освободите.

Ренiеръ превосходный стихотворецъ, хотя особа духовная тамъ ввелъ говорящимъ платье одного Педанта.

Носовой платокЪ и перчатки такЪ какЪ разбойники висѣли вмѣстѣ вокругЪ его и его платье, кричалЪ ему вЪ насмѣшку: старое бѣлье, старыя знамена.

О указанїи.

Сїя фигура имѣетЪ силу намЪ описывать столь ясно то, что описывается, что самые предмѣты не могли бы намЪ дать понятїя живѣйшаго и чувствительнѣйшаго. Слово ГипотипозисЪ значитЪ образЪ ясно представленный. Она представляетЪ намЪ предЪ глазав ещи отсутствующїя столь доказательными терминами, что намЪ кажется болѣе видимыми нежели слышанными. Она есть столь искусное представленїе, что словомЪ прельщаетЪ наше воображенїе и заставляетЪ почитать описанїе вещей за самыя вещи, словомЪ она есть невинное чародѣйство, которое насЪ переноситЪ вЪ тѣ мѣста, вЪ которыхЪ мы не были никогда, вотЪ оной примѣрЪ, горѣ описывается лошадь:

Возрите на сего красиваго коня,
Кой бѣгомъ, станомъ всемъ и головой плѣня
Сталъ гордымъ бѣгуномъ отъ многихъ почитатися
И съ Букефаломъ могъ онъ подлинно сравняться.
Онъ столько же хорошъ, отваженъ на войнѣ
Какъ видите ево теперь на единѣ,
То пламень изъ роту, то пѣну изпущаетъ,
То громкимъ ржанїемъ, то взоромъ устрашаетъ,
То смирно онъ стоитъ, то въ землю крѣпко бьетъ,
То топчетъ онъ траву, то оную жe рветъ.

Виргилїй неподражаемо описываетъ лошадь.

Кони четверократнымъ ступанїемъ своихъ копытъ превращаютъ поле въ пыль, и далѣе.

Свойство сея фигуры есть краткость и опредѣленность. Не должно подражать Плинію, которой дѣлая одному изъ своихъ друзей описаніе одного загороднаго дома, сдѣлалъ оное столь долгимъ, что можно сказать, имѣлъ намѣреніе его ему продать, но онъ извиняется тѣмъ, что домъ великъ, а не письмо, которое сдѣлало онаго описаніе. Не превосходное ли извиненіе?

О ПОВТОРЕНІИ.

Сія фигура будучи употреблена къ статѣ обогащаетъ слово, и изтребляетъ изъ онаго темноту; сіе есть какъ бы удвоеніе ударовъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ уже ударили.

Она состоитъ не только, чтобъ опять начинать многія выраженія одними словами какъ напр. *Сколько разъ вамъ говорено, сколько разъ вамъ дано знать, сколько разъ и проч.* Но еще въ повтореніи съ пріятностію тѣхъ

же

же самыхъ словъ въ теченіи періода. Вотъ сего примѣръ.

Августъ уже бывъ въ глубокой старости, говорилъ нѣкогда публично; и рѣчь его перервали нѣкоторые люди; тогда Императоръ повелѣлъ имъ молчать сими важными словами: юноши послушайте старика, котораго въ молодости и старики слушали. Цицеронъ отвѣтствовалъ старому брадобритцу, торой желалъ долго жить, и которой поставлялъ за порокъ, что онъ не наблюдалъ умѣренности при старости. Я желаю лучше быть не столько по времени старикомъ, нежели какъ вы, старикомъ прежде времени.

Я скажу еще примѣръ на сіе.

Одна прекрасная женщина встрѣтившись нѣкогда съ молодымъ человѣкомъ и которой ей не нравился, сказала ему: ахъ, государь мой, вы здѣсь; ето чудо васъ видѣть; а васъ, государыня моя, отвѣтствовалъ остроумно

молодой человѣкъ, васъ видѣть, есть видѣть чудо.

О противоположенiи.

Сiя блистательная фигура состоитъ въ противоположенiи въ одномъ перiодѣ словъ противныхъ. Она даетъ особенное украшенiе рѣчи, она дѣлаетъ ее прiятною и красивою. Она въ ней подобна алмазу: сiянiе одного дѣлаетъ сiянiе другаго. Словомъ она есть для души то, что для глазъ цвѣты, ихъ противность составляетъ красоту и видъ прелестный.

Славная Фрина, столь извѣстная по своей красотѣ, распускности и богатству, обѣщалась Аѳинамъ построить паки на свое содержанiе стѣны ихъ города, толькобъ они положили на нихъ сiю надпись;

Александръ Великiй испровергъ сiи стѣны, а Фрина паки ихъ возобновила. Говорили объ Августѣ по смерти его:

дай

дай Богъ, чтобъ онъ еще родился или чтобъ еще умирать ему надлежало.

Архидамъ Царь Спартанскій видя своего сына еще младаго сражающагося какъ льва на баталїи, кричалъ ему: сынъ мой, или умножь свои силы, или уменьши свою храбрость.

Юлїанъ отступникъ, отрекся нѣкогда подписать смерть двухъ преступниковъ, говоря: я бы желалъ оживить мертвыхъ, а не только чтобъ умертвить живыхъ. Тассъ сказалъ объ одномъ скупомъ:

Онъ надъ желѣзомъ скупъ, надъ золотомъ же щедръ.

Но должно остерегаться, чтобъ ихъ немного класть какъ Сенека и Августинъ, которые ими наполнили свои сочиненія. Ни что не можетъ наскучить читателю, какъ они желающіе имѣть примѣры на сію фигуру, могутъ себя удовольствовать въ Риторикѣ г.

Бари, гдѣ они найдутъ до 442 примѣровъ.

О прехожденіи.

Нѣтъ въ Риторикѣ фигуры чувствительнѣйшей какъ сія. Она есть чистой обманъ, которой ораторъ дѣлаетъ слушателю, переводя его не примѣтно отъ одной матеріи къ другой; она есть стезя глухая, которой не можно узнать цѣли. Прехожденіе есть столь нужно и важно, что безъ нее не возможно сдѣлать не только Риторической рѣчи, но даже ни простаго письма, въ которомъ говоритъ о двухъ предметахъ различныхъ. Вотъ два примѣра; ежели Александръ провелъ ночь спокойно; то Парменіонъ препроводилъ ее въ смертельныхъ безпокойствахъ; ему не возможно было сомкнуть глаза.

Между тѣмъ какъ Августъ упражнялся только въ войнѣ, то Антоній только упражнялся въ любви: онъ употреблялъ всѣ свои старанія.

О ВОСКЛИЦАНІИ.

Сія фигура не что иное есть, какЪ изЪясненіе печали, удивленія, восхищенія и другихЪ страстей, смотря по положенію сердца, вЪ которомЪ онѣ находятся. Сего примѣрЪ можно видѣть вЪ Курціи. Дарій услышавЪ о благородномЪ и великодушномЪ поступкѣ, сЪ какимЪ АлександрЪ Великій поступилЪ сЪ его матерью, женою и дочерьми, которыя взяты были вЪ плѣнЪ на войнѣ, вскричалЪ: дай Боже, чтобЪ ежели скипетрЪ КировЪ, долженЪ выдти изЪ рукЪ Дарія, перешелЪ вЪ руки Александровы.

О ПРОКЛЯТІИ.

Сія фигура совсѣмЪ противная другимЪ, она употребляется только вЪ ненависти, гнѣвѣ, огорченіи, она состоитЪ вЪ желаніи зла самому себѣ или другому. Она есть жарчайшая изЪ всѣхЪ фигурЪ, она весьма употребительна

тельна въ сильныхъ движенïяхъ. Вотъ многïе примѣры.

Марцïалъ говоря своему лѣкарю, сказалъ: въ наказанïе за то, что ты мнѣ запретилъ пить холодную воду, желаю, чтобъ ты всегда пилъ теплую. Плутархъ говоритъ, что одинъ человѣкъ, которой имѣлъ ноги совсѣмъ кривыя, и у котораго украли башмаки, вскричалъ во гнѣвѣ: дай Богъ, чтобъ мои башмаки были приличны тому, которой у меня укралъ. Другой сказалъ о двухъ звонаряхъ, которые никому не давали спать въ квартирѣ.

О! звѣрскïй нарушитель
Спокойствïя грабитель,
За чемъ, какъ бѣшеной звонишь
Витъ звономъ симъ не удивишь,
Почто веревки ты на шеѣ не имѣешь,
Когда совсѣмъ звонить руками не умѣешь.

Боало, который никому не уступалъ въ сочиненïи сатиръ, сказалъ: о Шапеленѣ дѣвственницѣ:

Проклятъ будь упрямой авторъ, котораго своенравная воля муча его мозгъ рифмотворствовала противу воли Минервы, и котораго тугой молотокъ куя разсудокъ дѣлалъ негодные стихи отъ двенадцати до двухъ сотъ разъ.

О РАЗМНОЖЕНІИ.

Сія фигура, которою окончу я свое сочиненіе есть доводъ обильнѣйшій и доказательство сильнѣйшее о томъ, что говорено. И которая присвояетъ себѣ то, что какъ бы отнимаетъ волю у слушателя: но надобно стараться, чтобъ размноженіе не было очень долго, ни слабо; ибо я примѣтилъ мимоходомъ, что недостатокъ обыкновенной размножителей есть в томъ, что какъ сія фигура требуетъ извѣстнаго изобилія словъ, то они простираютъ свои доказательства до того, что утруждаютъ слушателя и самаго неусыпнаго: Кардиналъ Перронъ Епископъ Еврейскій былъ подверженъ сему пороку; когда онъ началъ говорить, то

то его слушатели сказали: пойдемъ прогуливаться въ Винценну; мы возвратимся прежде нежели его преосвященство окончитъ.

Я здѣсь оканчиваю сїе сочиненїе, опасаясь подражать симъ худымъ примѣрамъ. Я не хочу наскучить моимъ читателямъ, ежели по щастїю моему буду имѣть ихъ. Я старался со всевозможностїю имъ доставить забавное чтенїе, и довольно примѣровъ для сего употреблялъ. Я ихъ почиталъ такими образцами, которые имѣютъ больше силы надъ душею, нежели лучшїя разсужденїя, ежели наконецъ я не достигъ конца моей надписи.

По мнѣнїю всѣхъ тотъ ритоpъ угодилъ,
Съ прїятнымъ пользу кой соединилъ.

То я признаюсь, что я двумя образами нахожусь при концѣ моей Риторики.

КОНЕЦЪ.

